

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Н.Н. ПРИСТУПА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (30–40-е гг. XX в.)

Чехословакия была одним из наиболее развитых государств, возникших после распада Австро-Венгрии в 1918 г. Она унаследовала большую часть промышленности Австро-Венгрии, имела товарное сельское хозяйство. Ей не пришлось тратить большие средства на восстановление экономики после окончания первой мировой войны. В 1929 г. промышленное производство превышало довоенный уровень на одну треть, а сельскохозяйственное — на 28 % [1]. Экономическая конъюнктура отражалась и в высокой занятости населения, обширной инвестиционной деятельности и модернизации оборудования. Однако основы конъюнктурного процесса были непрочны. Распад Австро-Венгрии и последовавшее за ним разрушение экономического единства австро-венгерских территорий наложили специфический отпечаток на дальнейшее развитие чехословацкой промышленности. Ограниченный доступ прежних рынков сбыта, трудности завоевания новых, несбалансированность мирового хозяйства привели экономику Чехословакии к особому кризису приспособления, который усугубился мировым экономическим кризисом конца 20-х годов. Наибольшей глубины он достиг в 1932–1933 гг. Именно в 1932 г. баланс внешней торговли стал впервые пассивен (импорт — 381, а экспорт — 386 млн чехословацких крон). Более того, внешнеэкономический товарооборот 1932 г. составил лишь четверть товарооборота 1929 г. А если принять во внимание, что чехословацкая промышленность работала главным образом на экспорт, то эти показатели внешней торговли одновременно отражали и состояние промышленности ЧСР. По безработице ЧСР вышла на первое место в Европе — 12–13 % занятого населения (в то время как среднеевропейский показатель составлял 8 %). Особенно критическая ситуация сложилась в Прикарпатской Украине и Северной Чехии, где безработным был каждый четвертый ее житель (АВП РФ. Ф. 138, оп. 40, п. 22, д. 4, лл. 5–6).

И когда Чехословакия и весь мир стали, по словам министра иностранных дел и идеолога Чехословацкой национально-социалистической партии (ЧНСП) Э. Бенеша, “сумасшедшим домом, в котором все стоит на голове”, среди политиков “растет голос за государственное руководство промышленностью, земледелием и торговлей” (АВП РФ. Ф. 138, оп. 40, п. 22, д. 4, лл. 3, 73). Это было проявлением общемировой тенденции: в начале 30-х “планирование стало новым Weltanschauung (мировоззрением)”. Все жаждали планирования [2, 288–289].

Свое видение выхода экономики из кризиса на основе усиления роли государства и введения единого экономического плана предложили на XII съезде (ап-

рель 1931 г.) и чешские национальные социалисты. Переход от либерального капитализма к коллективизму представлялся как естественный и логичный процесс, связанный с рассредоточением финансового капитала. В результате того, что мелкий предприниматель был не способен справиться с большими финансовыми обязательствами и организационными задачами современного производства, приходит коллективная форма собственности, в первую очередь, акционерные общества. Они имели по сравнению с единоличными фирмами большие возможности и в получении финансовых средств, а акции, разделенные на малые части, были доступны широким слоям населения, поэтому держателей акций уже трудно назвать капиталистами. Оказалось, что “все мы являемся совладельцами” [3, 164–169].

В программном заявлении ЧНСП от 1931 г. государство выступало как наивысшая экономическая организация и определяющий фактор всего экономического развития. Причем хозяйствование должно проходить на основе определенного плана, реализация которого являлась первоочередной задачей “экономической демократии”. Носителем последней предполагался экономический парламент — совещательный орган при политическом парламенте. Он должен был не разрешать экономические затруднения, а лишь предоставлять подготовленный материал политическому парламенту, за которым и остается окончательное решение. Таким образом, в системе действительной демократии политический и экономический парламенты должны были взаимодополнять друг друга в своих функциях (Tantez, 173).

По мысли ЧНСП, кооперация — средство борьбы за демократизацию экономики и промежуточный пункт на пути к социализму, так как она способна решить не только проблемы производителей, но и потребителей. Этот факт, отмеченный на XIII съезде партии (1936 г.), позволил бы использовать ее как механизм организации регулируемой экономики в интересах всего государства. Но, не довольствуясь лишь заменой частного капитализма общественным, чешские социалисты требовали и гуманизации экономики как гарантии будущего европейской культуры. Экономическая и социальная политика была для них, прежде всего, вопросами этики и нравственности. Новый экономический строй соответствовал новому нравственному строю (Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 531, оп. 3, д. 20, л. 82). [3, 200, 204].

Национальные социалисты утверждали, что либерализм изжил себя и что государство “должно само хозяйствовать, не пугаясь вмешательства в ”частную инициативу” и регулируя групповые интересы во имя общих”. Это касалось и внешней торговли, и регулирования производства для внутреннего потребления. Для этого, как утверждал Э. Бенеш, выступая 31.10.1931 г. в парламенте: “Мы должны решиться на ... так называемое плановое хозяйство” (подчеркнуто Э. Бенешем). А поскольку государственный интервенционизм имеет различные формы проявления, то Чехословакия не сможет этого избежать. Более того, было бы ошибкой для среднего по размеру государства “ускорять это развитие, но также было бы ошибкой не замечать эту тенденцию или замыкаться перед необходимостью, которая выдвигается перед нами по политическим, социальным и, наконец, хозяйственно-техническим основаниям” (АВП РФ. Ф. 138, оп. 10, п. 22, д. 5, лл. 132, 141–142).

Поначалу тезис “хозяйственный план” носил абстрактный характер. Первым попытался наполнить его конкретным содержанием глава ЧНСП В. Клофач. Выступая в парламенте ЧСР в январе 1934 г., он предложил создать такую систему управления, при которой могла осуществиться “диктатура демократии”. В экономике это проявилось бы в создании своего рода экономического парламента — “Совета экономического возрождения”. Его мнение правительству следовало запрашивать при решении серьезных экономических проблем. Совету, состоявшему из 20 специалистов, правительство было обязано предоставлять объяснения в случае несогласия с его экспертным мнением. Лидер ЧНСП считал, что специальные знания должны цениться выше, чем только политические соображения министров. Они не удостоены высоких ученых степеней и выражают мнения определенных партий, которые как раз и необходимо “урезать” во имя интересов всего государства. Но В. Клофачем не были предложены какие-либо конкретные меры по преодолению споров, возможных между правительством и Советом (АВП РФ. Ф. 138, оп. 11, п. 23, д. 11, лл. 23–24).

Постепенно все большее число людей склонялось к мысли о необходимости расширения вмешательства государства в экономику в целях прекращения анархии и хаоса. Вслед за Э. Бенешем национальные социалисты утверждали, что «наше время окончательно отвергает остатки хозяйственного либерализма», поэтому оно «требует длительного и постоянного государственного интервенционализма». Более того, сам Э. Бенеш не раз характеризовал плановое хозяйство как один из возможных путей перехода к социализму (АВП РФ. Ф. 138, оп. 10, п. 22, д. 5, лл. 24, 361; оп. 12, п. 26, д. 24, л. 131).

Понимая, что восстановление довоенных отношений невозможно, Э. Бенеш призывал своих сторонников идти в ногу со временем, чтобы в момент падения Германии уловить изменение настроения «как в национальном, так и в социальном отношении, и не уступить провокациям со стороны, как какой-либо реакции, так и неожиданной ультралиберальной, массовой, анархистской и демагогической революции снизу...». Э. Бенеш много рассуждал о будущих преобразованиях после войны. Этот переходный период, по его мнению, будет «периодом сильно развитого коллективного социализма, но с сохранением индивидуальных прав на частную собственность в сельском хозяйстве и мелком производстве» [4, 131, 238]. Он был уверен, что демократия в будущем очень сильно изменится, переработав и приняв те элементы социально-экономической и политической жизни, которые были характерны для фашизма, национал-социализма и коммунизма. Прежде всего это предполагало расширение полномочий и функций государственной власти. При этом президент не раз подчеркивал, что «мы коммунизма не боимся, наш народ имеет все предпосылки к тому, чтобы противостоять ему и абсорбировать его...» [5, 215; 6, 25]. Э. Бенеш также отмечал, что Вторая мировая война приведет к значительному нивелированию отдельных классов, потребует проведения коллективизации, вызовет изменения и в организации производства. Поэтому некоторые формы индивидуальной собственности автоматически перейдут в новые формы коллективной собственности. Но это нельзя рассматривать как трансформацию индивидуалистической системы в социалистическую. Это лишь означало строительство «новой республики». Программа перехода к ней предполагала «определение степени нашей будущей этатизации и национализации» [7, 269; 8, 102].

После войны шла дальнейшая разработка экономической платформы ЧНСП и ее отношения к национализации промышленности. Рассматривая национализацию как неотъемлемую часть экономической политики государства и высказываясь против ее однозначного толкования как жестко и централистски понимаемой этатизации, министр внешней торговли и деятель ЧНСП Г. Рипка в сентябре 1944 г. пытался убедить западные государства в целесообразности ее проведения. Он исходил из ее политического и экономического эффекта и считал, что торговля Чехословакии с западными демократиями также не будет ею задета, а скорее, наоборот, для нее будут созданы самые благоприятные условия. Чрезмерная же сдержанность Запада приведет к тому, что «мы будем вынуждены обойтись и без их помощи». Это, в свою очередь, вряд ли бы имело благоприятные последствия для пропагандируемой ЧНСП внешнеполитической концепции «моста» между Западом и Востоком и могло быть использовано самыми левыми элементами политической системы Чехословакии [6, 212; 9, 234].

В основе послевоенной экономической политики чешских национальных социалистов лежал принцип «экономического плюрализма». Смысл его состоял в необходимости сосуществования всех видов собственности. «По нашему убеждению, — отмечалось в программе, разработанной Г. Рипкой в июле 1945 г., — эта плюралистическая система имеет большие преимущества главным образом потому, что является более гибкой. Это позволяет ей быстрее приспособляться к часто меняющимся экономическим и социальным потребностям общества и к разнообразным экономическим системам, существующим в других государствах» [3, 217]. Тот же принцип должен был действовать и в сфере финансов.

ЧНСП выступала за реформирование общества «без потрясений и конфликтов», так как малое государство не может пускаться в революционные эксперименты и «насильственные перевороты, которые вредно бы отразились на его работоспособности и уничтожили бы материальные и духовные ценности».

сохранившиеся еще у него после долгих страданий”. Поэтому в той же июльской программе предлагалось установить контроль государства над теми отраслями промышленности, от которых будет зависеть социальное благо народа. А легкая и мелкая промышленность, ремесленное производство и мелкая торговля должны были остаться в частных руках (РГАСПИ. Ф. 17, оп. 128, д. 1010, л. 26), [3, 216; 5, 257].

Поскольку гармоничное развитие общества предполагает защиту частной собственности там, где она экономичнее и социально более выгодна, чем общественное производство, то и развитие частного предпринимательства и кооперативов рассматривалось как “ключ к благосостоянию” нации. Поэтому, выступая за ограничение масштабов национализации, ЧНСП также высказывала опасения, что непродуманное реформирование может привести к возникновению хаоса. Во избежание этого предлагалось опробовать выдвигаемые предложения на базе отдельных отраслей промышленности — горнорудной, металлургической, энергетической и тяжелой химической (АВП РФ. Ф. 138, оп. 26, п. 43, д. 13, л. 35), [10, 145, 199].

Название партии “социалистическая” предполагало, что одним из ее основных требований будет поддержка социалистических преобразований. Однако чешские социалисты, выступая за социализм, требовали и соблюдения демократических принципов. Так, министр юстиции и член ЧНСП Я. Странский в выступлении на партийной конференции (Прага, 10.09.1945 г.) заявил, что “социализм не должен означать того, например, что из предприятий удаляются инженеры”. Считая это экономическим преступлением, он подчеркивал, что заводские комитеты организовывались на предприятиях для контроля хода производственного процесса, а не для разжигания “в сердце злобы против тех, кто идет иным путем”. Утверждая: “социализм не является анархией и не должен ею быть, социализм не должен быть дискредитирован тем, что принесет народу снижение благосостояния вместо его повышения” (АВП РФ. Ф. 138, оп. 26, п. 44, д. 22, л. 32), он призвал к ликвидации двоевластия, сложившегося на предприятиях.

На заседании президиума ЧНСП (10.09.1945 г.) было принято решение о необходимости огосударствления только тех частей промышленности, о которых ранее было договорено с президентом страны: военная, химическая и угольная промышленность, добыча минеральных ресурсов, энергетические предприятия, металлургические и прокатные заводы, литейные заводы с количеством занятых на них более 400 человек, металлообрабатывающие заводы с количеством занятых на них более 500 служащих [11, 123].

На том же заседании видный партийный деятель Й.Гейда отмечал, что здесь речь идет не о национализации, а о “полной социализации” и “коммунистической агитации”, и советовал партии не соглашаться на национализацию в такой форме. Реализация декрета при этом будет иметь, по его мнению, тяжелые последствия, какие только можно представить. “Мы бы лишили себя возможности получить какой-либо кредит — как финансовый, так и моральный — на Западе” и “тогда можно было бы прямо заявить, что мы являемся советской республикой, так как нельзя быть одновременно и рыбой, и мясом” [12, 110]. Президиум ЧНСП признал 25.10.1945 г., что национализация была проведена не так, как это предполагал ЦК партии, и что не удалось провести отказ от единообразия в формах организации национализированных предприятий.

Однако в Программе действий от 8 декабря 1945 г. принципы экономического плюрализма и плановой экономики сохранялись. Цель этого единого плана состояла в бескризисном строительстве экономики и управлении производством. А его выработку необходимо было поручить центральному органу — Государственному плановому комитету, который при составлении плана будет исходить из показателей промышленного развития Чехословакии. Одновременно национальные социалисты выступали за самоуправление и децентрализацию экономики, как источников творчества и инициативы. Таким образом, демократия в их понимании выступала единственной и надежной гарантией от бюрократизации и централизма и должна была являться гарантом утверждения в стране политического и экономического плюрализма [3, 226]. В условиях фаворитизации одной из форм собственности “развитие может пойти или в сторону либерализма, что рассматривалось

уже как пройденный этап, или в сторону этатизации экономики к постепенному становлению тоталитарного режима”, “режима политической диктатуры одной партии” [13, 98; 14, 131].

ЧНСП пыталась получить гарантии того, что государство будет контролировать деятельность лишь национализированных предприятий. Первоначальное ее требование передать государству не сами предприятия, а лишь руководство или затем трансформировалось в необходимость принятия коллегиального характера руководства национализированными предприятиями. А требование запретить руководителю предприятия принимать самостоятельные решения в 1946 г. видоизменилось в требование “деполитизации”, т.е. управление промышленностью должно осуществляться специалистами, дабы “при реализации декретов принимались во внимание профессиональная квалификация и целесообразность в персональной и организационной работе”. ЧНСП выступила и против назначения руководства предприятия на основе выявления “подлинной демократической надежности” его членов. Главным критерием должны были стать знания (АВП РФ. Ф. 138, оп. 26, п. 43, д. 13, л. 35; РГАСПИ. Ф. 17, оп. 128, д. 1083, л. 175), [10, 147, 159, 173].

К концу 1946 г. на базе национализированных предприятий создано 2200 государственных предприятий, которые охватывали 61 % всех рабочих, занятых в чехословацкой промышленности. Удельный вес национального промышленного производства составил 70 %. Были национализированы практически все заводы и фабрики, принадлежавшие иностранному капиталу либо находившиеся в сфере его влияния [15, 27]. ЧНСП выступала за приостановку национализации, так как исходила из непродуктивности национальных предприятий, их нерентабельности, а также наличия плохой трудовой морали. Партия вообще считала национализацию завершенным процессом.

Альтернативным вариантом реорганизации экономики Чехословакии стал проект, в основе которого лежала идея о необходимости трансформации национальных предприятий в акционерные общества. При этом 49 % акционерного капитала выставлялось на рынок либо в некоторых конкретных случаях их бывшим акционерам [17, 261]. 51% акций должен находиться в руках государства. Все предыдущие владельцы предприятий или их акционеры (если они не были врагами государства) могли сохранить свои доли или получить за них полную стоимость. На государственную часть предлагалось выдать отдельную акцию, не подлежащую продаже. С помощью акционерного капитала экономика обеспечивалась дешевым кредитом, национализация же проходила бы практически без всяких затрат из государственной казны [12, 208, 261; 16, 263; 17, 261]. Реорганизация предприятий в акционерные общества отвечала интересам Чехословакии. Так, Гейда считал, что они привлекут внимание иностранных инвесторов. Недоверие Запада к национализации объяснялось тем, что “это пахнет большевизмом”. “На данный момент наши предприятия представляют собой предприятия закрытого типа, без какого-либо экономического контроля со стороны демократической общественности. Если же мы создадим акционерные общества, ситуация сразу изменится. Национализация приобретет “цивилизованные” формы, и мы покажем всему миру, что так можно делать”. Гейда был уверен, что нельзя полностью копировать советский опыт. Более того, такая форма национализации приведет “к постепенной социализации, от предприятия к предприятию” [12, 209].

Однако после выхода проекта в свет в стране развернулась его широкомащтабная критика. Предложения Гейды в левом политическом спектре были истолкованы как “выступления против Кошицкой программы и майской революции”. Коммунистическая пропаганда представляла его как “некоего фабриканта”, который являлся одним из руководителей ЧНСП и якобы открыто призывал допустить в чехословацкую промышленность иностранный капитал (РГАСПИ. Ф. 17, оп. 128, д. 1083, л. 177), [10, 242]. В этой ситуации руководство ЧНСП посчитало за лучшее отмежеваться от проекта Й. Гейды, заявив, что он отражает личное мнение автора.

Официальная позиция партии излагалась в проекте программы, разработанном к XIV съезду, состоявшемуся 27.02 – 2.03.1947 г. В духе предыдущих заявлений констатировался упадок либерального капитализма, который, вы-

полнив свою миссию, должен быть заменен социалистическим строем. Как и раньше, экономическая демократия считалась основным лозунгом. Она не только делала реальным построение коллективной экономики, но и представляла ей большую стабильность, заменяя “частнопредпринимательскую рентабельность социальной”. Экономическая демократия представляла как переход производственных и финансовых средств в собственность народа, как управление всеми отраслями и формами хозяйства с помощью единого экономического плана и как участие работников в руководстве предприятиями. Главная задача планирования состояла в довершении экономического обновления и перехода от экономики военного времени к экономике мирного времени, а также в распределении рабочей силы так, чтобы каждое рабочее место нашло своего работника и труд шел за человеком, а не наоборот. При этом все должно было стремиться к тому, чтобы при определении направления развития экономической деятельности и ее ограничении не были задеты права и свободы человека: “нет жизни без хлеба насущного, но жизнь без свободы вряд ли имеет какой-либо смысл и ценность” [3, 273–274].

Председатель ЧНСП П. Зенкл, выступая на XIV съезде, справедливо отметил: “...Если бы наша экономика не была бы такой пестрой, если бы у нас не производилось все: от самых простых изделий до самых изящных и совершенных по качеству и форме изделий роскоши, мы бы могли избрать единую форму социализации”. А поскольку этого нет, то чешские национальные социалисты выступили за плюралистическую систему экономики, так как “каждый вид предпринимательства должен найти свою форму” [18, 36]. Главное же их требование — равенство всех форм собственности.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что понятие “экономическая демократия” Чехословацкой национально-социалистической партии — неотъемлемый элемент теории “социализирующейся демократии” Э. Бенеша. Экономический плюрализм, эволюционность, гласность производства и управления, свобода в сочетании с единым экономическим планом, разработанным с учетом национальных особенностей чехословацкой экономики, должны были явиться составляющими успешного развития страны. Однако необходимо отметить, что экономическая программа ЧНСП носила скорее дидактический, нежели прикладной характер.

Литература

1. *Lacina V. Velká hospodářská krize v Československu (1929–1934)*. Praha, 1984.
2. *Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы*. В 2 ч. М., 1995. Ч. 1.
3. *Harna J. Politické programy českého národního socialismu*. Praha, 1998.
4. *Dokumenty z historie československé politiky. 1939–1943. Díl 1. Vztahy mezinárodní diplomacie k politice československé emigrace na Západě*. Praha, 1966.
5. *Beneš E. Democracy today and tomorrow*. London, 1939.
6. *Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Документы и материалы*. М., 1960.
7. *Beneš E. Demokracie dnes a zítra*. Praha, 1946.
8. *Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války*. Praha, 1947.
9. *Cesta ke květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Díl 1*. Praha, 1965.
10. *Мурашко Г.П. Политическая борьба в Чехословакии в 1944–1948 гг. и национализация средств производства*. М., 1986.
11. *Král V. Cestou k únoru. Dokumenty*. Praha, 1963.
12. *Opat J. O novou demokracii. Příspěvek k dějinám národně demokratické revoluce v Československu v letech 1945–1948*. Praha, 1966.
13. *Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: В 3 т. 1945–1965*. М., 2000. Т. 1. Становление “реального социализма”.
14. *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе, 1944–1948*. М., 1993.
15. *Медведев И. Послевоенное экономическое развитие Чехословакии // Славяне*. 1947. № 2.
16. *Drtina P. Československo. Můj osud. Kniha života českého demokrata 20. století. Svázek II. Kniha 2. Rok 1947–únor 1948*. Praha, 1992.
17. *Hejda J. Žil jsem zbytečně. Román mého života. Díl 1–2*. Praha, 1991.
18. *Zenkl P. Stojíme na přední stráží demokratického socialismu. Programová řeč, kterou předseda strany dr. Petr Zenkl doprovodil akční a ideový program čs. strany národně socialistické na XIV. valném sjezdu strany*. Praha, 1947.